
Подворотни пахнут сигаретами,
Псиной и одеждою сырой,
Свежими пожарскими котлетами
И предновогодней мишурой.

Люди лгут, цепляются за быт они,
Им ни в чём любовь не помогла,
Вот и детство, хорошо забытое,
Смотрит на меня из-за угла.

Будто кто-то прячется за шторами,
За шкафами, сданными в утиль,
Детство иногда приходит, чтобы мы
Улыбнулись посреди пути.

Почему не понимают старшие,
Что рождает в них большую грусть?
Слышишь, ни о чём меня не спрашивай,
Если вдруг тебе я улыбнусь!

Трава прожарилась до грунта.
+30 минимум в тени,
В зелёной арке прячась грустно,
В себя жар города втяни.

Бурчит у скверика тойота,
Она со мной в одном строю,
Но я из жаркого болота
Хребет унылый достаю,

И погружаюсь в пекло зданий,
Где тень уходит с молотка,
Но дует свежий ветер с дальних
Сырых окраин городка.

Не отпускай меня, пожалуйста,
С весенних улиц тёплый дождь,
Когда ты к дереву прижался
И понимаешь, что живёшь!

Я знаю – оборвётся нить.
Закончится строка в блокноте.
Я жизнь свою благодарить
Учусь на каждом повороте.

За то, что не боюсь теней,
Что не жесток и не бездарен,
Что насовсем прирос к тебе –
Я жизни очень благодарен.

Бывают дни – хоть волком вой,
Ушёл в себя – хозяин-барин.
За то, что попросту живой
Я жизни очень благодарен.

Я знаю, что придёт мой срок,
Так быть должно, так карта ляжет,
Укутает меня в песок
Зашарканный печальный пляжик,

И будет маленький затон
В холодный изумруд рядиться.
Спасибо, господи, за то,
Что дал возможность здесь родиться.

Смотрю на город, что несётся вдаль,
Проблемы и решения – на завтра.
В пыли дорожной бьётся магистраль,
В фонтан ныряя возле Драмтеатра,

Чернильная симфония грачей,
У стадиона старенькая арка,
Выпрыгивает маленький ручей
Из зелени пустого зоопарка.

Зарыться невзначай в подолы лип,
Вложив опять в минутный промежуток
И башенных часов тревожный всхлип,
И музыку мелькающих маршруток.

И только перемятая трава
Мои следы по-прежнему находит,
А я спешу куда-то, как трамвай,
Который здесь давно уже не ходит.

Пролетая над Тайгой

Там, где в небо стучали ели
Изумрудною головой,

Километры тайги горели,
Километры тайги живой.

Здесь сочувствовать - это мало,
Не вдохнуть снова жизнь в птенца,
Это дымное одеяло
Без начала и без конца.

За Байкалом чернеют мили,
Остаются лишь боль и желчь.
Сколько леса уже спилили,
Сколько леса возможно сжечь?..

Попадали леса в немилость,
Знать бы только по чьей вине...
Я летел, а тайга дымилась
Во мне...

На сердце тихо отлегло
Тепло, что вмиг отнять у нас мог
Мой город, часто от него
Лишь насморк.

Без надоевших панихид
Мой город в забродившем пунше
Лежит нелепо, словно кит
На суше.

Но, сколько баек ни травы
Про то, что нет с ним линий смежных,

Он в сердце, словно из травы -
Подснежник.

Стоит, обёрнутый в неон,
Гоняет шумно птичью стаю.
Я ощущаю, как в него
Врастаю...

В детстве я образцовым не был,
Получал нагоняй от отца,
И трепал своей мамы нервы,
Было дело, что отрицать.

Вот он угол, стою и ною,
А потом затихаю вдруг
И прислушиваюсь: за стеною
У соседки упал уютюг,

Снова ругань - ведро помоев,
С каждый днём она всё длинней.
На пятнистой щеке обоев
Бесконечный брейк-данс теней,

Из угла никуда не деться...
Я на сломанную юлу
Был похож половину детства,
Но стою до сих пор в углу,

Я к обоям лицом прижался,
Тридцать лет в моём сердце мгла...
Мама, мама, прошу, пожалуйста,
Забери меня из угла...

Над рекою неба сталь нависла,
Фабрика дымила вдалеке.
Я сидел и молча становился
Кляксой на небесном потолке,

Сердце, словно бра, во мне погасло,
И я понял - в миг, когда умру,
Это безупречное богатство
Ни за что с собой не заберу...

Из дурного, брошенного тела,
Что дожгло пустой короткий век,
Музыка тихонько улетела,
Поднимаясь постепенно вверх.

Вот таким невидимым обрядом
Кончится сердцебиенья срок,
Потому в быту моём неладном
Каждый, кто всегда со мною рядом,
Дорог мне, как воздуха глоток.